

Burtsale. Fragment from the story "View from the Window"

[Leonid Borich](#) , [Seven Arts](#) , [No. 8](#) • 08.28.2012

Burtsale Fragment from the story "View from the Window"

The beginning of this story dates back to the twenties of the last century.

Now, smoking by the window, which is magical for me, overlooking our huge courtyard, I try to find a solution, relying on the mystical properties of this place in our German apartment. (Perhaps it is precisely because of this, fearing an irreparable loss, that I do not agree with my wife that it would be good, given our age, to think about an apartment on a lower floor. Is there any other window that can replace my current one, from which, contrary to the laws of physics, such distances suddenly open up that sometimes it simply takes your breath away?).

If this were a plot I had invented, much would depend on my preferences and even on simple literary expediency, when it is more advantageous to explain everything that happened in one way or another. And it would be even better, without explaining it directly, to imperceptibly lead the reader to the conclusion you want. But here I don't want to be an all-knowing author: this is too personal a matter for me to stop at the only, as it seems, correct interpretation, brushing aside all others that have the same right to exist.

So, it is known for sure that in 1927, three teenagers aged fourteen to fifteen entered the Chechelnit-skaya chemical vocational school, which at that time corresponded to a technical school and provided secondary specialized education. This chemical vocational school was certainly considered a prestigious educational institution, if only because in the town of Chechelnyk in the Vinnitsa region of Ukraine with a population of several thousand people, there were hardly any other educational institutions of the same level.

The "Personal book" of one of the students of this chemical trade school has been preserved. A cheap calico cover of a burgundy-brick color, pages yellowed with time, filled in Ukrainian, with a note: "Completed all laboratory work in general chemistry and qualitative analysis", and with a record that name-name is transferred to the third year. Then there are blank pages, from which it is clear that name-name either did not finish his studies, or did not even start studying in the third year. The "Rules of the internal regulations of the school", set out on the last two pages, are curious in this certificate. Their authors obviously understood what kind of contingent of the 20s they were dealing with. Here are some points from these "Rules...", translated from Ukrainian: "Don't spit on the floor", "Before entering the classroom, take off your outerwear and hat, as required by discipline and occupational hygiene", "Wash your hands before eating", "After eating, if you have nothing to do, read a book", "In the dormitory, go to bed and get up no later than the time set at school", "After getting up from sleep, make your bed, wash your face and brush your teeth", "Keep your head clean and don't wear long hair"...

One is tempted to ask: how much did the teachers themselves differ from their students? True, it could have been that mathematics, chemistry and physics were taught by one group – the remnants of the old intelligentsia, which had not been completely brought out by this time – and the rules of conduct were drawn up by completely different people, the bosses of these teachers, who had not

yet been educated enough to wash their hands before eating and not spit on the floor themselves, without reminders and instructions.

About two years later, the friends went their separate ways: one of them, Izya, went to Moscow, another, David, to Odessa, and the third, Boris, or “Burtsale,” as his friends affectionately called him, went to the town where his parents lived and where he got married at the age of 19. Thus, none of this friendly trio graduated from the chemical trade school.

Now the further fate of each is already known. The first two - Izya and David - became outstanding mathematicians, and the third, Boris, having married early, had to think about how to feed his family. There was no longer any talk of any further education, and if he nevertheless achieved a certain fame in his field - in any of the cities where he had to work as a chief accountant, he was considered the best specialist - then, of course, this did not compare with the scientific successes of his friends from his youth.

If I were to write a story about a possible meeting of them, say, half a century later, that is, like the recent meeting of our classmates, armed with personal experience, I could easily imagine... But stop! Stop-stop! There is no such incommensurability between my classmates, no such gap in what they have achieved, in life success, in position... And so, couldn't it have happened when those three from the chemical trade school met, as it looks when classmates are shown on television, with the president of Russia sitting among them? Perhaps he would not have been averse to mixing with his former classmates, to feel like one of them for a while, but they themselves cannot forget for a minute who he is. And they behave with him not like classmates, but in accordance with his rank: afraid to involuntarily show familiarity, giggling forcefully at the president's jokes and clearly being shy, and even fawning...

That's why I suddenly remembered something from literature:

“- Well, how are you, friend? (...)

- Well, and how are you? You're probably a civilian already? Huh?

- No, my dear, raise it higher... I have already risen to the rank of secret... I have two stars... (...)

- Your Excellency... It's a pleasure to meet you! A friend, one might say, from childhood, and suddenly you've become such a dignitary!

- Come on!... What is this tone for? You and I are childhood friends – what is this deference to rank for!

- Have mercy... What are you... Your Excellency's gracious attention..."

Something similar, although, of course, not so grotesque, could have happened during a meeting of friends and classmates from the chemical school... Or not?

No matter how hard I tried to look at the situation I had imagined from a distance, I would hardly have succeeded, because one of these three friends is too close to me and I know well the sense of self-worth with which he behaved under all circumstances. I simply would not have been able to admit the slightest resemblance to that Chekhov character who “suddenly turned pale, turned to stone... shrank, hunched over, narrowed” before “his excellency.” And besides, I would not want to slander the other two classmates, about whom I know only official data, by comparing one of them

to Chekhov's "nobleman," because, I repeat, we are not talking about fictional literary characters, but about real people. (Perhaps one of them, despite his very advanced age, is still alive?).

In pondering the fate of this trinity, I turned to various sources to form at least some idea of each.

That teenager Izya from the Chechel'nitskaya chemical vocational school was now listed as Izrail Moiseevich Gelfand and was present in all the encyclopedias available to me: the "Great Soviet", today's "Russian", "Jewish", published in Russian in Jerusalem, and even in the encyclopedic reference book "Great Russia. Names", which "covers the biographical history of Russia from Alexander Nevsky and Dmitry Donskoy to the present day". So, among these names is Gelfand Izrail Moiseevich. And the word "even", which I used in relation to the encyclopedic reference book "Great Russia", arose because this luxurious, leather-bound volume was published by a rather strange organization – the Academy of Security, Defense and Law and Order Problems. But this office, headed by Chekist generals (even though they are retired due to age), also paid tribute to Israel Moiseevich Gelfand, who was hardly a kindred spirit.

His name takes up dozens of pages on the Internet – and all of them contain words in superlatives: "giant of Soviet science", "genius of Russian science", "great mathematician", "one of the most outstanding mathematicians of our time", "brilliant scientist", "he is less famous than Landau, but they are quite comparable in terms of their contribution to science and their contribution to the USSR's atomic project in the early 1950s". He is a holder of three Orders of Lenin, two Orders of the Red Banner of Labor, the Order of Friendship of Peoples, and the Badge of Honor. He is a two-time laureate of the State Prize, a laureate of the Lenin Prize, and comparatively recently, in 1997 – at the age of 84! – he was awarded the State Prize of Russia. He is the author of over 800 scientific articles and 30 monographs, a member of all the leading Academies of Sciences of the world, a laureate of prestigious international awards. A man who does not have a higher or even a completed secondary education, a self-taught man, he was accepted to graduate school at the age of 19, defended his candidate's dissertation in mathematics at 22, his doctoral dissertation at 27, became a professor at Moscow State University, and at 40, a corresponding member of the Academy of Sciences...

He was already an honorary doctor of Oxford, Sorbonne, Harvard, Princeton universities, an academician of nine of the world's largest academies - America, Sweden, France, a member of the Royal Society of London, the Japanese Academy of Sciences, where his predecessor among compatriots was only Peter the Great, the Irish Academy, following D.I. Mendeleyev... True, he was not honored with the same honor in his homeland. For thirty years, he was rejected in elections for full members of the USSR Academy of Sciences, which he became only at the age of 71. Well, with such an ugly provocative name-patronymic-surname, this is understandable... He was not allowed to attend international mathematical congresses - even those that were held in his honor every ten years, starting from his 50th anniversary. Either the secrecy of his work on the mathematical calculation of atomic and hydrogen explosions was too great, although many years had passed since then, and it is difficult to imagine that foreign nuclear scientists did not have similar mathematical knowledge, or it was the "paternal concern of the party and government" for the health of an outstanding Soviet scientist, which would suddenly deteriorate sharply not only during flights to other countries, but also during possible informal, unsupervised communication with foreign colleagues, and they, as was well known, all worked for the CIA and other spy organizations.

He left for America with his family, I think, in 1990. In any case, a year later he became a professor at Rutgers University in New Jersey. And there was a professorship at Moscow State University, the title – finally! – of a full member of the USSR Academy of Sciences, there were laureate awards, the highest state orders, a beautiful apartment in the center of Moscow... In a word, like in

that joke when an OVIR employee asks a person leaving for abroad: “What were you missing here, you Jewish mug?!”

Izrail Moiseevich Gelfand's scientific longevity and the vastness of his interests, connected not only with "pure" mathematics, but also with its application in biology, neurophysiology, oncology, and mathematical forecasting in myocardial infarctions, are striking... One even suspects that perhaps this is somehow connected with his vegetarianism - so strict (these people are called vegans) that Izrail Moiseevich excluded from his diet not only meat, but also fish, milk, and eggs, since this is connected not only with the killing, but also with the exploitation of animals.

Look how much you can read by digging around on the Internet. Sometimes even some character traits and some details of his personal life emerge. Thus, from the memoirs of one of Gelfand's students it follows that, with all his respect for animal rights, Izrail Moiseevich could be quite harsh in communicating with people when it came to science. As they say, once at a seminar he was leading, the speaker was asked a not very smart question, to which Izrail Moiseevich immediately responded: “Don't answer! Our seminar is designed for literate people.” So, it seems, he is not a vegetarian in everything... And he obviously has a good sense of humor. When asked why he stopped eating animals in 1994, Izrail Moiseevich answered with a smile: “You never know what a young man might come up with.” He was already over eighty at the time.

And from his personal life, you can find out on the Internet that Izrail Moiseevich's wife, Tatyana, is also a mathematician, teaches at the same Rutgers University, she is almost forty years younger than her husband, they have an adult daughter, a psychologist, and from his first marriage Gelfand has two sons, both doctors of science, one is also, like his father, a mathematician, editor-in-chief of the American Mathematical Society, and the second is a professor of biology at the University of Chicago. That positive case when the apple doesn't fall far from the tree...

Now Izrail Moiseevich Gelfand should be 96 years old. All sources only indicate the date of birth, but even the latest encyclopedia was published several years ago... So what: is he now 96 years old? Or should he be?

This had to be found out somehow. And, if he was alive, get his phone number.

The second of the trio of friends and classmates from the Chechel'nitskaya Chemical Trade School also became a famous mathematician, although, of course, “famous” is not “great” or “brilliant”, but still he, David Milman, was a professor and head of the department of one of the Odessa institutes. He is not given a personal place in any encyclopedias available to me, but he is still mentioned in the “Mathematics” section of the Jewish Encyclopedia, where it is said about his outstanding works in the field of functional analysis and that “in Israeli universities and other scientific centers, mathematicians who came from the USSR took a worthy place”, including David Milman's son, also a professor of mathematics, Vitaly Milman. David Milman has not been awarded any state prizes, nothing has been said about any orders, but still: to go all the way from a student of the chemical trade school of the backwater town of Chechel'nik, which is not even mentioned in the modern guidebook “All Ukraine”, to the heights of mathematical science – that is also worth a lot. (By the way, those who have visited today's Chechel'nik write about a dying regional center, where there is not a single working industrial enterprise, people leave to earn money in other regions, and unlucky tourists who suddenly wander into Chechel'nik are met by a half-ruined building of a former synagogue and an old Jewish cemetery, where cows graze in the summer).

Some information about David Milman, much more modest than about Gelfand, can also be found on the Internet. At 21 he graduated from Odessa University, at 26 he defended his PhD thesis, and became an associate professor. From the memoirs of his student: “Thin, blue-eyed, fair-haired, he

was remarkably reminiscent of Jesus." Well, that doesn't mean anything... You can love Jesus - and not tolerate his fellow tribesmen... In any case, thanks to the efforts of the all-powerful academician Vinogradov, who apparently forgave only Jesus Christ for his origin, the Higher Attestation Commission did not approve David Milman's doctoral dissertation. Soon, in the fight against "rootless cosmopolitans," Milman was fired altogether. However, his name was widely known in mathematical circles, and there was a decent person, the rector of the Institute of Communications, who risked inviting almost an "enemy of the people" to head the mathematics department. One of the graduates of this institute recalls David Milman's "quiet voice, attentiveness to people, goodwill during exams" and his caring parting words to students during the winter session: "It's cold outside. Please wrap your neck with a scarf and button up your coat." And further: "I admit that I have only heard such things from those closest to me."

The subsequent authorities could hardly wait until he turned 60 to send him into retirement in 1973. Thus, David Milman was not needed in his homeland, like many other talented scientists of that time. (I do not want to resort here to the often expressed idea about the fate of a country that does not value its scientists... But still, it is worth citing some figures about the "brain drain": over twenty years, from 1973 to 1993, the number of Soviet and Russian doctors of science in mathematics who emigrated to Israel alone exceeded a thousand people; today, in universities and other scientific centers in Israel, from 20 to 25 percent of mathematicians-professors are from the Soviet school, and at International Mathematical Congresses they present 40 percent of all reports).

In July 1973, David Milman's family emigrated to Israel, and already on August 1 of that same year, this Soviet pensioner, dismissed as unnecessary, was invited to the position of professor at Tel Aviv University. Over the course of many years, he also gave lectures at the most prestigious universities in Europe and America.

David Milman died in 1984. A memorial plaque was installed in his honor on one of the buildings of Tel Aviv University.

As far as I knew, a close relative of mine, who now lives in Dortmund, could tell me something about him.

So, one of the classmates from the Chechel'nitskaya Chemical Trade School is already 96 years old, if he is alive at all, the second died in 1984, and their third friend, Boris, died three years earlier, in Ukraine. I know about his life firsthand.

Let us recall that, having married early, he was forced to leave the last year of the chemical trade school, mastered the profession of an accountant, and at 22 he became the chief accountant, and worked in this capacity all his life. His wife was a housewife, raising three sons, and in order to feed the family, Boris always worked "part-time", and when going on vacation, he would arrange in advance for the director to urgently recall him. Thus, having received vacation money in advance, it was possible not to lose the next monthly salary. He was one of those top-class financial workers-practitioners, whom the management valued.

And yet, thoughts about further education never left him. His cherished dream was higher education – however, the fulfillment of this dream was pushed back and forward until the time when his children became adults, began an independent life, and then he would no longer have to think about any side jobs.

This time came and, to his wife's surprise, Boris went to study at an evening school for working youth, so that in two years he could receive the so-called certificate of maturity, without which it

was impossible to even think about higher education. Probably, he, fifty years old, felt very uncomfortable among those students who were young enough to be his sons, but soon he became an excellent student, surprising even teachers with his extraordinary mathematical abilities. He was not satisfied with school textbooks, thick volumes on physics, chemistry, mathematics appeared on his desk, and he prepared too seriously and for a long time for homework essays on Russian and Ukrainian literature. As in his profession, he wanted to be first in his studies, too, but he catastrophically did not have enough time for this...

He suddenly dropped out of school - now not only to the surprise of his wife, but also to the great puzzlement of his teachers.

A few years later, thanks to the petition of one of the Ukrainian ministers ("I ask as an exception... considering my extensive practical experience and deep knowledge in the field of accounting..."), he was enrolled in the first year of the correspondence department of the Kharkov Institute of Finance and Economics. Oh, how beautiful his tests looked: neat, clear handwriting without a single blot, multi-colored underlining of the most important parts of the text, numerous graphs and tables, certainly not required for passing the test...

When adult sons came from different cities for a short visit, their mother asked him to bring their father to his senses: "Why does he need this education in his old age?! Even without any higher education, he understands accounting better than those who graduated from institutes!"

And indeed: why did he need it? But the sons did not dare ask so directly, and when one of them cautiously and sparingly started a conversation about the fact that neither higher education, nor academic degrees and titles are a measure of a successful life, the father willingly listened to it, and even added with a smile, pointing to their sons to his wife: "Here are my higher educations!" To completely convince their father that he had undoubtedly succeeded, the sons said that God grant each of them the same love and devotion from their wives and children, unlimited authority among colleagues, high professionalism... All this was said not to calm the father, but completely sincerely, convincingly, without any exaggeration, and the sons first of all credited his own higher educations to him, and not to themselves - after all, it was he who, almost from childhood, had aimed them at the necessity of such an education. Was it his own fate that haunted him? Did he really never stop looking back at the opportunities he had missed in those old days when teachers predicted a great scientific future for three inseparable friends, classmates at the chemical school - him, Iza Gelfand and David Milman? Or was he guided by the understanding, preserved in the genes from his ancestors, that higher education is at least some way for people of his nationality to resist all sorts of misfortunes of our world?

He studied at the correspondence department of the financial and economic institute for about a year, receiving only excellent grades for all written work, and also with various laudatory reviews from teachers regarding his deep knowledge. However, in order to study like that and not have debts, too much strength was required, and he no longer had it: overloads at work, frequent attacks of angina pectoris took their toll, and then an extensive myocardial infarction followed, a protracted exit after it, rapid fatigue ... At the insistence of his wife and sons, he had to give up higher education. A dream did not come true. Perhaps the dream of his whole life.

In our parental home, I had, of course, heard about Gelfand and Milman, because the third of my classmates was my father, Boris, or, as friends affectionately called him at one time, "Burtsale." My father would tell me about their successes in the scientific field. I also knew that Milman was my father's cousin, not just a friend from his youth; they sometimes saw each other in Odessa when my father was there on business trips, but he had never met Gelfand since the time when they studied at

the chemical trade school. My father never had business trips to Moscow: he submitted quarterly, semi-annual and annual accounting reports in Kyiv.

But even understanding how difficult it was for my parents to live financially all these years, I still couldn't believe that they had never made it to Moscow in their entire lives. And if my father had been there at least once, surely he hadn't found the time or opportunity to see his childhood friend?

My father has been gone for a long time, and so now – at least in pursuit – I especially want to comprehend any of the actions he did or did not do, to follow every step in his life, which, alas, before, when I was young, I did not have enough attention, time, or it seemed that there was still time.

And so, in a telephone conversation with my father's brother, who now lives in Dortmund as the last of the older generation of our family, I once asked:

- Do you think Gelfand is still alive?

- I don't know. But in the Russian Encyclopedic Dictionary, published in 2003... Do you have it?.. No? Well, it only lists the year of birth. Therefore, he was still alive then. But six years have passed since then, and he had every right to die. Few people live to be 96. David Milman, for example, died at 71, your father didn't even live to that age. By the way, did you know that David came to say goodbye to us before leaving for Israel? And do you know what he told me about your father? That "Burtsale", when they studied at the chemical trade school, was the most talented of the three in mathematics.

- That's what he said?

- That's exactly what he said.

“Yes, different fates...” I muttered into the telephone receiver.

- Different, - agreed Dad's brother. - There's a lot of injustice in life in general. - He paused. - But, you know, it depends on how you look at it... Your father loved his family, you loved him, he worked enthusiastically, everyone around him respected him... It seems to me that it's impossible to determine exactly who was luckier and who was less... Have you reread Ecclesiastes lately? In the end, as you probably guess, everyone's fate is the same...

“But that's only ‘in the end,’” I objected. “However, a whole life is lived before that, and dad should have been aware of how talented he was in mathematics, not inferior even to... If, of course, David Milman was speaking sincerely...”

- In my opinion, David was always distinguished by his sincerity. And why was it necessary to flatter? After all, he didn't tell your father this, but me. But Borya, of course, was offended...

- Did he tell you about this?

- Not exactly directly...

And my uncle told a story that neither I nor my brothers knew. After all, my mother and father once went to Moscow for some anniversary of my mother's brother. Finding I.M. Gelfand's home phone number through the city directory service was apparently not difficult. Despite the decades that had passed, he immediately remembered my father, as soon as he said his first and last name, and

shouted: "Is that you, Burtsale?!" They agreed to meet at Gelfand's house in the next few days, having called each other beforehand. However, my father never called him back, and he may not have left Izrail Moiseevich the number of my mother's brother's home phone. Or did he?

To meet in the next few days... Not immediately... And - after calling each other first...

But that's natural! He is a scientist of such a level that every hour and every meeting is scheduled for a week, if not a month in advance, he no longer belongs to himself, and then there are the lectures he gives at Moscow State University, the seminars he leads that are famous throughout the country, his presence at dissertation defenses, his written reviews of someone else's work, some article of his own that needs to be finished urgently...

Well, isn't it clear? But it's not hard to reason objectively when someone tells you: let's call each other and meet in the next few days. Not right now, not right away, spitting on all your important affairs for the sake of meeting someone you still remember half a century later as "Burzale"...

Although much more important events from the lives of parents are completely unrecoverable, it was precisely that failure to meet my father with his childhood friend that struck me with its inexplicability. You understand in advance that everything here can only be assumed, without hoping for the correspondence of what actually happened with what seems most probable, but you still try to find the true reason...

Impartiality is clearly hindered by the closeness of one person to my heart and a generally neutral attitude towards another, although honestly I would like to put myself in his place.

You have to guess from the very beginning. And yet, with piercing clarity, as if it were happening to me personally, I imagined how my father could not bring himself to call Gelfand, cowardly putting it off from day to day. However, "cowardly" – this rather applies to me: my father, as far as I know, was very decisive in his actions. But, nevertheless, it could be that even the words to ask Gelfand to come to the phone if one of his family members picked up the receiver caused difficulty. To call him by his first name and patronymic or simply Izya, so that on the other end of the line they would immediately understand that someone close to Gelfand was calling, and then, despite all the busyness of the famous scientist, they would still call him to the phone, and not ask him to call back later. And what if the housekeeper answered the phone? Surely there are servants in such a house? But she knows him exclusively as Izrail Moiseevich, and she may not immediately figure it out... No, she still needs to say: "Ask Izya to come to the phone..." and then she will not loyally guard the peace or employment of her titled master.

(Of course, all this could have been thought out by the father in advance, but why dwell on it now?)

Here was Izrail Moiseevich already on the phone, and my father, hiding his understandable excitement – would Gelfand remember him? – said: "Hello, Izya... This is Boris. Boris Tsipris." There followed, probably, a pause, understandable, but for my father a very agonizing pause, and then, literally a second or two later, at first a distrustful muttering in a low voice: "Could it be... Could it be... Borka?", and, hearing confirmation of his guess, a joyful exclamation: "Burtsale! Where are you calling from? Where are you?" And, without listening to the end: "Listen, grab a taxi and come immediately!"

Alas, it is already known that the last phrase did not happen, but another, more important for my father, pause occurred. This, of course, is also an assumption, but somehow it suggests itself that Izrail Moiseyevich could hesitate only because, holding the receiver to his ear, he was leafing through the desk calendar with his other hand, looking for a free window in his busy schedule. Perhaps this

prolonged pause decided everything. Instead of the exclamation my father was expecting, “Burtsale, come immediately!” and not just an exclamation, but so that it was also uttered in a tone that did not tolerate objections, Izrail Moiseyevich, let's say, asked: “How much longer will you stay in Moscow?”

And could this hurt my father? To such an extent? Like, how is it possible: well, maybe we can't see each other right now, you're busy with some urgent matters, but is it really so hard to free up this evening for a friend from your youth after so many decades?!

Well, and if the exclamation itself was not as joyful, not as enthusiastic as my father expected: “Is it you, Burtsale?” Maybe Gelfand has the same reserved manner as my uncle from Dortmund: it happens that we haven't seen each other for years, but he greets me so calmly, as if we had parted the day before. And when you call him, his voice on the phone is so dispassionately dry that you even introduce yourself just in case:

"It's me, your nephew."

“I know,” he says, still reservedly. But he is certainly glad to receive the call.

And my father could have expected it this way: "Burtsale, where are you now? I'll send a car for you immediately!" In the minds of a provincial accountant, a person from the Great Soviet Encyclopedia should have a car with a personal driver. But instead: "Sorry, you literally caught me at the door, I'm late for a session of the Academy of Sciences. Let's call later, okay?" What do you answer in that case? "Okay..." He didn't ask for your phone number, or he simply forgot to ask, and you didn't offer to write it down, because "let's call" seemed to imply your call. That's the point: at that moment you acutely felt your inequality, which should not exist between classmates. And if this did happen, then in order to overcome it, you would, of course, have to see each other, look into each other's eyes, recognize the old smile, facial expressions, remember a familiar gesture, manner of conversation... (It's like meeting a woman you once loved after several decades: you didn't recognize her right away from afar, but as soon as she smiled...).

However, even having met your now famous friend from your youth, what would you say about yourself? “I am an accountant”? Or with ridiculous haste, against your will, you stupidly specify: “Chief accountant” – as if this changes anything in principle. You can say: “I dreamed of becoming a scientist, a doctor, a pilot, a sailor – and my dream came true”, but you can't say that your dream was to become a chief accountant. Do such dreams exist, are they even possible?

And suddenly it occurred to me: my father was in Moscow with my mother, and, of course, he couldn't go to meet Gelfand without her. The husband she honored, of whom she was proud – how, in his opinion, could he appear in her eyes next to a famous classmate? If he had been alone in Moscow then – perhaps it would have been easier for him to decide to call his friend from his youth?

I shared this question with my brothers, but they both disagreed with this assumption. And my wife didn't either. (Either she didn't imagine me in the role of an accountant, much less a chief accountant, or she didn't see herself at a meeting with such a world-famous figure as Academician Gelfand, and therefore couldn't imagine how disappointed she would be in her own husband in a similar situation.)

“Did your father ever explain to you why he didn't call Gelfand back?” I asked my uncle.

- He got off with general phrases: there wasn't enough time, something like that...

- And what do you think?
- I think that resentment has arisen.
- Resentment? Against whom?
- On himself. For not using the talent given to him by nature.
- I don't quite understand: did he get offended at himself, but didn't call back someone who wasn't guilty of anything?
- Well, how can I say... I am guilty at least of the fact that, albeit unwittingly, I was the reason that I caused your father to feel resentment for his missed opportunities.

Here is another version, no worse, but no more convincing than the others.

Perhaps Israel Moiseevich Gelfand could clarify something, but... 96 years old – and still alive?

"I'll try to find out through my friends," promised Esther Kaganovskaya, a kind, sympathetic friend who once lived next door to my parents and has now been an American citizen for a quarter of a century.

Literally the next day she called back, saying that, according to the inquiries she had made, Israel Moiseevich, firstly, was alive, and secondly, write down his home phone number in New Jersey.

Before this phone call, I was worried, like... like my father might have been worried once in Moscow, getting ready to ask a friend from his youth to come to the phone. True, I didn't have to choose between "Izya" and "Izrael Moiseevich."

- Excuse me, who is asking him? - The voice was female, intelligently pleasant and quite young.

Having introduced myself, I tried to briefly outline the essence of the matter, and while I was telling it, I suddenly became almost certain that I was speaking with Gelfand's wife. Although it could have been their daughter, also Tatyana.

No, it turned out to be the wife after all. She immediately said that Israel Moiseevich, knowing the phone number, would certainly call my father back, since he is very scrupulous in these matters, and added that her husband was now next to her, but you understand: ninety-six years old, his hearing is not what it used to be, let me try to tell him everything myself.

Judging by how loudly she spoke to him, who was sitting next to her – about the chemical school, and about David Milman, and about their friend, whom they called "Burtsale" back then – it was clear that he would not have heard me over the phone. Izrail Moiseevich asked his wife something again, she repeated what she had said, then there was a long pause, after which, as if apologizing for her husband, Tatyana said that for now he could not remember anything, but he was such that he would definitely think about what he had heard.

I wrote down her computer address and a week later, as we had agreed, reminded her of myself. The answer immediately followed: "Unfortunately, we were unable to find out anything from I.M., since he claims that he does not remember "Burtsale" and the whole story, which I tried to remind him of several times. He nodded that he remembered Milman, and that was all. I.M. has been quite weak lately, and perhaps even remembering is a great burden for him. All the best. Tatyana."

My attention was drawn to the words: "...and that was all." As if Tatyana had summed up not only the sad results of my attempts to understand that old story, but had also involuntarily expressed something that related to her own life. However, this last is also only an assumption, as is everything that concerns the reasons for the failed meeting of classmates.

It often happens that what really happened, if you tell about it, and even more so if you tell it in writing, looks like a deliberate, clumsy invention. It may seem so now, but in the meantime it is the absolute truth: at the same time, when Izrail Moiseevich Gelfand was still teaching mathematics at Rutgers University, my daughter was in charge of the Russian art department at the museum of the same university in the state of New Jersey, and her son, my grandson Boris, studied in one of the departments there, named after his great-grandfather, whom Izrail Moiseevich once called by the affectionate name "Burtsale". And so the circle was closed, not invented by me.

Бурцалэ

Фрагмент из повести «Вид из окна»

Начало этой истории относится ещё к двадцатым годам прошлого столетия.

Теперь, покуривая у волшебного для меня окна с видом на огромный наш двор, я и пытаюсь найти разгадку, уповая на мистические свойства этого места в нашей немецкой квартире. (Может, именно потому, боясь невозможной утраты, я не соглашаюсь с женой, что хорошо бы, учитывая наш возраст, подумать о квартире этажом ниже. Разве какое-нибудь другое окно способно заменить моё нынешнее, из которого, вопреки физическим законам, вдруг открываются такие дали, что иногда просто дух захватывает?).

Если бы это был выдуманный мной сюжет, многое зависело бы от моего предпочтения и даже от простой литературной целесообразности, когда всё случившееся выгоднее объяснить так-то и так. А ещё бы лучше, никак впрямую не объясняя, незаметно подвести читателя к желаемому тебе выводу. Но тут как раз и не хочется быть всезнающим автором: слишком это для меня личное дело, чтобы остановиться на единственно, как кажется, верном толковании, отмахнувшись от всех иных, имеющих такие же права на существование.

Итак, точно известно, что в 1927 году трое подростков четырнадцати-пятнадцати лет поступили учиться в Чечельницкую химвпрофшколу, что соответствовало тогда техникуму и давало среднее специальное образование. Эта химвпрофшкола наверняка считалась престижным учебным заведением хотя бы уж потому, что в местечке Чечельник Винницкой области Украины с населением в несколько тысяч человек вряд ли были ещё какие-нибудь образовательные учреждения такого же уровня.

Сохранилась „Персональная книжка“ одного из учащихся этой химвпрофшколы. Дешевая коленкоровая обложка бордово-кирпичного цвета, пожелтевшие от времени страницы, заполненные на украинском языке, с отметкой: „Все лабораторные работы по общей химии и качественному анализу выполнил“, и с записью о том, что имя-рек переводится на третий курс. Дальше идут пустые страницы, из чего понятно, что имя-рек либо не доучился, либо даже не приступал к учёбе на третьем курсе. Любопытны в этом удостоверении „Правила внутреннего распорядка школы“, изложенные на последних двух страницах. Их составители, очевидно, понимали, с каким контингентом 20-х годов имеют дело. Вот некоторые пункты из этих „Правил...“, в переводе с украинского: „Не плюй на пол“, „Перед входом в класс сними верхнюю одежду и шапку, как того требует дисциплина и гигиена труда“, „Перед едой помой руки“, „После еды, если нечем заняться, почитай книжку“, „В общежитии ложись спать и вставай не позднее установленного в школе времени“, „Встав после сна, застели постель, умойся и почисти зубы“, „Держи в чистоте голову и не носи длинной причёски“ ...

Так и тянет задаться вопросом: а насколько сами-то учителя отличались от своих учеников? Правда, и так могло быть, что математике, химии и физике учили одни – остатки старой интеллигенции, которую не до конца повывели к этому времени, – а правила поведения составляли совсем другие люди, начальники этих учителей, ещё не воспитавшиеся настолько, чтобы самим, без напоминаний и инструкций, мыть перед едой руки и не плевать на пол.

Года через два пути друзей разошлись: один из них, Изя, уехал в Москву, другой, Давид – в Одессу, а третий – Борис, или „Бурцалэ“, как ласково прозвали его друзья – в городок, где жили его родители и где в 19 лет он женился. Таким образом, никто из этой сдружившейся троицы химпрофшколу так и не закончил.

Теперь уже известна дальнейшая судьба каждого. Первые двое – Изя и Давид – стали выдающимися математиками, а третий, Борис, рано женившись, должен был думать о том, как прокормить семью. Ни о какой дальнейшей учебе уже не могло быть речи, если же он все-таки и достиг определенной известности в своей области – в любом из городов, где ему пришлось работать главным бухгалтером, он считался лучшим специалистом, – то, разумеется, это не шло ни в какое сравнение с научными успехами его друзей юности.

Соберись я когда-нибудь написать рассказ о возможной их встрече спустя, допустим, те же полвека, то есть наподобие недавней встречи наших одноклассников, я, вооруженный личным опытом, легко мог бы представить себе... Но стоп! Стоп-стоп! Между моими одноклассниками нет такой неизомерности, такого разрыва в достигнутом, в жизненном успехе, в положении... А значит, не могло ли так получиться при встрече тех троих из химпрофшколы, как это выглядит, когда показывают по телевидению одноклассников, среди которых восседает президент России? Возможно, он и не прочь был бы смешаться с бывшими одноклассниками, на какое-то время почувствовать себя одним из них, однако они сами-то ни на минуту не могут забыть, кто он. И ведут себя с ним не как одноклассники, а соответственно его рангу: опасаясь невольно выказать панибратство, натужно подхихикивая президентским шуткам и явно робея, а то даже заискивая...

Потому вдруг и припомнилось из литературы:

“- Ну, как живёшь, друг? (...)

- Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

- Нет, милый мой, поднимай повыше... Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею... (...)

- Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с!

- Ну, полно!... Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

- Помилуйте... Что вы-с... Милостивое внимание вашего превосходительства...“

Что-то подобное, хотя, разумеется, не столь гротескное, могло бы ведь случиться и во время встречи друзей-однокашников из химвпрофшколы... Или нет?

Как бы я ни старался отстраненно взглянуть на воображенную мной ситуацию, это вряд ли бы удалось, потому что мне слишком близок один из этих трёх друзей и я хорошо знаю о том чувстве собственного достоинства, с каким он держался при любых обстоятельствах. Я просто был бы не в состоянии допустить малейшего его сходства с тем чеховским персонажем, который „вдруг побледнел, окаменел... съёжился, сгорбился, сузился“ перед „его превосходительством“. А кроме того, на двух других однокашников, о которых мне известны лишь официальные данные, я не хотел бы возводить напраслину, уподобив кого-то из них чеховскому „вельможе“, ведь речь, повторюсь, не о выдуманных литературных героях, а о действительно живших людях. (Возможно, один из них, несмотря на очень преклонный возраст, всё ещё жив?).

Раздумывая о судьбе этой троицы, я обратился к различным источникам, чтобы составить хоть какое-то представление о каждом.

Тот подросток Изя из Чечельницкой химвпрофшколы значился теперь Израилем Моисеевичем Гельфандом и присутствовал во всех доступных мне энциклопедиях: „Большой Советской“, сегодняшней „Российской“, „Еврейской“, изданной на русском языке в Иерусалиме, и даже в энциклопедическом справочнике „Великая Россия. Имена“, которая „охватывает биографическую историю России от Александра Невского и Дмитрия Донского до наших дней“. Вот, значит, среди этих имён числится и Гельфанд Израиль Моисеевич. А слово „даже“, мною употребленное в отношении энциклопедического справочника „Великая Россия“, возникло из-за того, что этот шикарный, в кожаном переплёте, том издан довольно странной организацией – Академией проблем безопасности, обороны и правопорядка. Но и эта контора, возглавляемая генералами-чекистами (хоть они и в отставке по возрасту), отдала дань признания Израилю Моисеевичу Гельфанду, вряд ли родственной им душе.

Его имя занимает в Интернете десятки страниц – и всё со словами в превосходной степени: „гигант советской науки“, „гений российской науки“, „великий математик“, „один из самых выдающихся математиков современности“, „гениальный учёный“, „он менее знаменит, чем Ландау, но они вполне сравнимы и по вкладу в науку, и по вкладу в атомный проект СССР в начале 1950-х годов“. Он кавалер трёх орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, орденов Дружбы народов и Знака Почета. Дважды лауреат Госпремии, лауреат Ленинской премии, а сравнительно недавно, в 1997 году – это в 84 года! – был удостоен Государственной премии России. Он автор более 800 научных статей и 30 монографий, член всех ведущих Академий наук мира, лауреат престижных международных премий. Человек, не имеющий не то что высшего, но и законченного среднего образования, самоучка, он в 19 лет был принят в аспирантуру, в 22 года защитил кандидатскую диссертацию по математике, в 27 – докторскую, стал профессором МГУ, в 40 лет – членом-корреспондентом Академии наук...

Он уже был почетным доктором Оксфордского, Сорбонского, Гарвардского, Пристонского университетов, академиком девяти крупнейших академий мира – Америки, Швеции, Франции, членом Лондонского королевского общества, Японской Академии наук, где его предшественником значился из соотечественников лишь Петр 1, Ирландской академии, вслед за Д.И.Менделеевым... Правда, он не сподобился такой же чести у себя на родине. В течение тридцати лет его проваливали на выборах в действительные члены Академии наук СССР, которым он стал лишь в 71 год. Что ж, при таких безобразно вызывающих имени-отчестве-фамилии это понятно... Его не выпускали на международные математические конгрессы – даже на те, которые проводились в его честь каждые десять лет, начиная с 50-летнего юбилея. То ли слишком велика была секретность его работ по математическому обчёту атомных и водородных взрывов, хотя минуло с тех пор уже много лет, да и трудно предположить, что подобными же математическими знаниями не обладали зарубежные учёные-ядерщики, то ли проявлялась „отеческая забота партии и правительства“ о здоровье выдающегося советского ученого, которое вдруг бы резко пошатнулось не только во время перелётов в другие страны, но и при возможном неформальном, без присмотра, общении с иностранными коллегами, а они, как доподлинно было известно, все сплошь работали на ЦРУ и на другие шпионские организации.

В Америку он с семьёй уехал, кажется, в 1990 году. Во всяком случае, уже через год он стал профессором Ратгерского университета в Нью-Джерси. А была ведь профессорская должность в МГУ, звание – наконец-то! – уже действительного члена Академии наук СССР, были лауреатские премии, высшие ордена государства, прекрасная квартира в центре Москвы... Словом, как в том анекдоте, когда работник ОБИР“а задаёт вопрос отъезжающему за границу: „Чего же тебе здесь не хватало, жидовская морда?!“

Поражают научное долголетие Израйля Моисеевича Гельфанда и необозримость его интересов, связанных не только с „чистой“ математикой, но и с её применением в биологии, нейрофизиологии, онкологии, в математическом прогнозировании при инфарктах миокарда... Возникает даже подозрение, что, может быть, это как-то связано еще и с его вегетарианством – до того строгим (эти люди веганами называются), что Израиль Моисеевич исключил из своего рациона не только мясо, но и рыбу, молоко и яйца, так как это связано не только с убийством, но и с эксплуатацией животных.

Вон сколько всего можно вычитать, покопавшись в Интернете. Всплывают иной раз даже какие-то черточки характера и некоторые подробности личной жизни. Так, из воспоминаний одного из учеников Гельфанда следует, что, при всём его уважении к правам животных, Израиль Моисеевич мог быть достаточно резким в общении с людьми, когда это касалось науки. Как рассказывают, однажды на руководимом им семинаре докладчику был задан какой-то не слишком умный вопрос, на что Израиль Моисеевич немедленноотреагировал: „Не отвечайте! Наш семинар рассчитан на грамотных людей“. Так что, похоже, не во всём он вегетарианец... Да и чувства юмора ему, очевидно, не занимать. На вопрос, почему с 1994 года он перестал есть животных, Израиль Моисеевич ответил с улыбкой: „Мало ли что молодому человеку придёт в голову“. Ему было тогда уже больше восьмидесяти.

А из личной жизни можно почерпнуть в Интернете, что жена Израиля Моисеевича, Татьяна, тоже математик, преподаёт в том же Ратгерском университете, она моложе своего мужа почти на сорок лет, у них взрослая дочь, психолог, а от первого брака у Гельфанда два сына, оба доктора наук, один – тоже, как и отец, математик, ответственный издатель Американского математического общества, а второй – профессор биологии Чикагского университета. Тот положительный случай, когда яблоко от яблони недалеко падает...

Сейчас Израилю Моисеевичу Гельфанду должно быть 96 лет. Во всех источниках указывается только дата рождения, но ведь даже последняя энциклопедия издана несколько лет назад... Так что же: ему теперь 96 лет? Или должно было бы быть?

Это предстояло как-то узнать. И, если вдруг жив – раздобыть номер его телефона.

Второй из троицы друзей и однокашников по Чечельницкой химвпрофшколе стал тоже известным математиком, хотя, конечно, „известный“ – это не „великий“ и не „гениальный“, но всё-таки и он, Давид Мильман, был профессором и заведующим кафедрой одного из Одесских институтов. Персонального места ни в каких доступных мне энциклопедиях ему не отведено, но все же он упомянут в разделе „Математика“ Еврейской энциклопедии, где говорится о его выдающихся работах в области функционального анализа и о том, что „в израильских университетах и других научных центрах достойное место заняли ученые-математики, приехавшие из СССР“, в том числе и сын Давида Мильмана, тоже профессор математики, Виталий Мильман. Госпремиями Давид Мильман не отмечен, об орденах ничего не сказано, но всё равно: пройти путь от учащегося химвпрофшколы заштатного местечка Чечельник, о котором даже не упоминается в современном путеводителе „Вся Украина“, до высот математической науки – это тоже многого стоит. (К слову, побывавшие в сегодняшнем Чечельнике пишут об умирающем райцентре, где нет ни одного работающего промышленного предприятия, люди уезжают на заработки в другие края, а незадачливых туристов, которые вдруг забредут в Чечельник, ожидают полуразрушенное здание бывшей синагоги и старое еврейское кладбище, где летом пасутся коровы).

Некоторые данные о Давиде Мильмане, не в пример более скромные, чем о Гельфанде, тоже можно найти в Интернете. В 21 год окончил Одесский университет, в 26 защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом. Из воспоминаний его ученика: „Худощавый, голубоглазый, светловолосый, он удивительно напоминал Иисуса“. Ну, это ничего не значит... Можно ведь любить Иисуса – и не терпеть его соплеменников... Во всяком случае, благодаря стараниям всемогущего академика Виноградова, простившего, видимо, лишь Иисусу Христу его происхождение, Высшая аттестационная комиссия не утвердила докторскую диссертацию Давида Мильмана. Вскоре, борясь с „безродными космополитами“, Мильмана вообще уволили. Однако его имя в математических кругах было широко известно, и нашелся порядочный человек, ректор Института связи, который рискнул пригласить чуть ли не „врага народа“ заведовать кафедрой математики. Один из выпускников этого института вспоминает „негромкий голос, внимательность к людям, доброжелательность на экзаменах“ Давида Мильмана и его заботливое напутствие студентам во время зимней сессии: „На улице холодно. Закутайте, пожалуйста, горло шарфом и застегните пальто“. И далее: „Признаюсь, подобное мне приходилось слышать только от самых близких“.

Последующее начальство едва дождалось его 60-летия, чтобы отправить на пенсию в 1973 году. Таким образом, в своем отечестве Давид Мильман был не нужен, как и многие другие талантливые ученые того времени. (Не хочется здесь прибегать к не раз высказываемой мысли о судьбах страны, которая не ценит своих ученых... Но всё же некоторые цифры об „утечке мозгов“ привести стоит: за двадцать лет, с 1973 по 1993 годы, количество советских и российских докторов наук по математике, эмигрировавших в один только Израиль, превысило тысячу человек; сегодня в университетах и других научных центрах Израиля от 20 до 25 процентов математиков-профессоров – это выходцы из советской школы, и на Международных математических конгрессах они представляют 40 процентов всех докладов).

В июле 1973 года семья Давида Мильмана эмигрировала в Израиль, а уже с первого августа того же года этот советский пенсионер, уволенный за ненадобностью, был приглашён на должность профессора Тель-Авивского университета. На протяжении многих лет он еще читал и курс лекций в самых престижных университетах Европы и Америки.

Давид Мильман умер в 1984 году. На одном из зданий Тель-Авивского университета в его честь установлена памятная доска.

Насколько я знал, кое-что о нём мог рассказать мой близкий родственник, живущий ныне в Дортмунде.

Итак, одному из однокашников по Чечельницкой химвпрофшколе уже 96 лет, если он вообще жив, второй умер в 1984 году, а третий их друг, Борис – тремя годами раньше, в Украине. Как раз о его жизни мне известно не понаслышке.

Напомним, что, рано женившись, он вынужден был уйти с последнего курса химпрофшколы, освоил профессию бухгалтера, и в 22 года стал уже главным бухгалтером, так всю жизнь и проработав в этом качестве. Жена была домохозяйкой, растила трёх сыновей, и, чтобы прокормить семью, Борис вечно работал еще и „по-совместительству“, а, уходя в отпуск, заранее договаривался, чтобы директор срочно отозвал его. Так, получив вперёд отпускные деньги, удавалось и очередную месячную зарплату не терять. Он был из тех финансовых работников-практиков высочайшего класса, которым дорожило начальство.

И тем не менее мысли о дальнейшей учебе никогда не покидали его. Заветной мечтой было высшее образование – правда, исполнение этой мечты всё отодвигалось и отодвигалось до той поры, когда дети станут взрослыми, начнут самостоятельную жизнь, и ему тогда уже не придется думать ни о каких побочных заработках.

Это время наступило и, к удивлению жены, Борис пошел учиться в вечернюю школу рабочей молодежи, чтобы через два года получить так называемый аттестат зрелости, без чего нельзя было и думать о высшем образовании. Наверное он, пятидесятилетний, очень неуютно чувствовал себя среди тех учеников, кто годился ему в сыновья, но уже вскоре он стал отличником, поражая даже учителей незаурядными математическими способностями. Он не довольствовался школьными учебниками, на столе у него появились толстые тома по физике, химии, математике, да и к домашним сочинениям по русской и украинской литературе он слишком серьёзно и подолгу готовился. Как и в своей профессии, он хотел в учёбе тоже быть первым, но для этого ему катастрофически не хватало времени...

Он вдруг бросил школу – теперь уже не только к удивлению жены, но и сильно озадачив учителей.

Через несколько лет, благодаря ходатайству одного из министров Украины („Прошу в порядке исключения... учитывая большой практический опыт и глубокие знания в области бухгалтерского учета ...“), он был зачислен на первый курс заочного отделения харьковского финансово-экономического института. Ах, до чего же красиво выглядели его контрольные работы: аккуратный четкий почерк без единой помарки, разноцветные подчеркивания наиболее важных мест текста, многочисленные графики и таблицы, наверняка не обязательные для получения зачёта...

Когда на короткую побывку съезжались из разных городов взрослые сыновья, мать просила образумить их отца: „Зачем ему эта учёба на старости лет?! Он и без всякого высшего образования разбирается в бухгалтерии лучше, чем те, кто позаканчивал институты!“

А и в самом деле: зачем ему это было нужно? Но так, напрямую, сыновья не решались спросить, а когда кто-нибудь из них осторожно и щадяще заводил всё же разговор о том, что ни высшее образование, ни учёные степени и звания ещё не являются мерилем удавшейся жизни, отец охотно это выслушивал, ещё и добавлял с улыбкой, указывая жене на их сыновей: „Вот мои высшие образования!“ Чтобы совсем уж убедить отца, что он несомненно состоялся, сыновья говорили о том, что дай Бог и каждому из них такой же любви и преданности жен и детей, безграничного авторитета среди сослуживцев, высокого профессионализма... Всё это говорилось не для успокоения отца, а совершенно искренне, убеждённо, без каких-либо натяжек, да и собственные высшие образования сыновья прежде всего ему, а не себе, ставили в заслугу – ведь именно он чуть ли не с детства нацеливал их на обязательность такого образования. Своя ли судьба не давала ему покоя? Действительно ли он не переставал оглядываться на упущенные им возможности в те давние времена, когда трём неразлучным друзьям, однокашникам по химпрофшколе – ему, Изе Гельфанду и Давиду Мильману – учителя прочили большое научное будущее? Или руководило им понимание, сохранившееся в генах от предков, что высшее образование – это для людей его национальности хоть какой-то способ противостоять всяческим напастям нашего мира?

На заочном отделении финансово-экономического института он проучился около года, за все письменные работы получая только отличные оценки, ещё и с разными похвальными отзывами преподавателей по поводу его глубоких знаний. Однако чтобы так учиться и не иметь задолженностей, требовалось слишком много сил, а их уже не было: сказывались перегрузки на работе, частые приступы стенокардии, а затем последовал обширный инфаркт миокарда, затяжной выход после него, быстрая утомляемость... По настоянию жены и сыновей пришлось отказаться от высшего образования. Не сбылась мечта. Может быть, мечта всей его жизни.

В нашем родительском доме я, конечно, слышал о Гельфанде и Мильмане, потому что третьим из друзей-однокашников был мой отец Борис, или, как друзья ласково называли его когда-то – „Бурцалэ“. Отец рассказывал об их успехах на научном поприще. Я и о том знал, что Мильман приходится отцу ещё и двоюродным братом, а не только другом юности, они иногда виделись в Одессе, когда отец бывал там в командировках, а вот с Гельфандом он ни разу не встречался с тех самых пор, когда они учились в химпрофшколе. Не случалось у отца командировок в Москву: ежеквартальные, полугодовые и годовые бухгалтерские отчеты он сдавал в Киеве.

Но даже и понимая, как материально трудно жилось все годы моим родителям, все же не верилось, что за свою жизнь они так и не выбрались когда-нибудь в Москву. А если отец хотя бы однажды побывал там, неужели же не нашлось у него времени и возможности увидеться с другом юности?

Отца уже давно нет, и поэтому теперь – пусть хотя бы вдогонку – особенно хочется постигнуть любой из совершенных или не совершенных им поступков, проследить за каждым шагом в его жизни, на что, увы, раньше, когда был молод, не хватало внимания, времени, или казалось, что ещё успеется.

Вот и в телефонном разговоре с родным папиным братом, живущим ныне в Дортмунде последним из старшего поколения нашего рода, я однажды спросил:

- Как ты думаешь, Гельфанд ещё жив?

- Не знаю. Но в Российской энциклопедическом словаре 2003-го года издания... У тебя он есть?.. Нет? Ну так вот, там указан только год рождения. Следовательно, был тогда ещё жив. Но с тех пор прошло уже шесть лет, и он вполне имел право умереть. До 96-ти лет мало кто доживает. Давид Мильман умер, например, в 71 год, твой отец и до этого возраста не дожил. А кстати, ты в курсе, что Давид приезжал к нам прощаться перед своим отъездом в Израиль? И знаешь, что он мне сказал о твоём отце? Что „Бурцалэ“, когда они учились в химпрофшколе, был в математике самым талантливым из них троих.

- Так и сказал?

- Именно так и сказал.

- Да, разные судьбы... – пробормотал я в телефонную трубку.

- Разные, – согласился папин брат. – В жизни вообще очень много несправедливости. – Он помолчал.

– Но, знаешь, тут ещё как посмотреть... Твой отец любил свою семью, вы его любили, он увлеченно работал, его все вокруг уважали... Мне кажется, невозможно точно определить, кому повезло больше, кому меньше... Ты давно перечитывал Екклезиаста? В конце концов, как ты, наверно, догадываешься, участь у всех одна...

- Но это лишь „в конце концов“, – возразил я. – Однако перед этим проживается целая жизнь, и ведь папа должен был отдавать себе отчет в том, насколько он талантлив в математике, не уступая даже... Если, конечно, Давид Мильман говорил искренне...

- По-моему, Давид всегда отличался искренностью. Да и зачем было льстить? Он ведь не твоему отцу это высказал, а мне. Но Боре, конечно, было обидно...

- Он тебе говорил об этом?

- Не то чтобы напрямую...

И мой дядя рассказал историю, о которой ни я, ни мои братья не знали. Всё-таки папа с мамой выбрали однажды в Москву на какой-то юбилей маминого брата. Найти через городскую справочную номер домашнего телефона И.М.Гельфанда, видимо, не составило большого труда. Несмотря на прошедшие десятилетия, тот сразу же вспомнил папу, стоило лишь назвать свои имя и фамилию, и закричал: „Это ты, Бурцалэ?!“ Они сговорились в ближайшие же дни встретиться у Гельфанда дома, предварительно созвонившись. Однако папа так и не перезвонил ему, а Израилю Моисеевичу, он, возможно, не оставил номера квартирного телефона маминого брата. Или всё-таки оставил?

В ближайшие дни встретиться... Не так, чтобы немедленно... И – предварительно созвонившись...

Но это же естественно! Он ученый такого уровня, когда каждый час и каждая встреча расписаны на неделю, если не на месяц вперёд, он уже сам себе не принадлежит, а ещё лекции, которые читает в МГУ, прославленные на всю страну семинары, которыми он руководит, присутствие на защитах диссертаций, письменные его отзывы на чьи-то работы, какая-нибудь собственная статья, которую надо срочно заканчивать...

Ну, разве не понятно? Но ведь нетрудно рассуждать объективно, когда не тебе сказано: давай-ка созвонимся и встретимся в ближайшие дни. Не прямо сейчас, не тотчас же, наплевав на все свои важные дела ради встречи с тем, кого ты и через полвека помнил как „Бурцалэ“...

При том, что совсем уже не восстановимы и гораздо более важные случаи из жизни родителей, именно та не встреча отца с другом юности поразила меня своей необъяснимостью. Понимаешь заранее, что тут всё можно лишь предполагать, не надеясь на соответствие того, что было на самом деле, с тем, что кажется наиболее вероятным, а всё равно пытаешься доискаться истинной причины...

Беспристрастности явно мешает близость моему сердцу одного человека и в общем-то нейтральное отношение к другому, хотя честно хочется как бы поставить себя и на его место.

Домысливать приходится уже с самого начала. И всё же с пронзительной ясностью, словно это лично со мной происходило, я представил себе, как отец всё не решается позвонить Гельфанду, малодушно откладывая это со дня на день. Впрочем, „малодушно“ – это, скорее, ко мне относится: отец, насколько я знаю, бывал очень решителен в своих поступках. Но, тем не менее, могло так быть, что затруднение вызывало даже то, какими словами попросить Гельфанда к телефону, если трубку поднимет кто-нибудь из его домашних. Назвать по имени-отчеству или просто Изей, чтоб на другом конце провода сразу же поняли, что звонит кто-то из близких Гельфанду людей, и тогда, при всей занятости известного ученого, его все же позовут к телефону, а не попросят перезвонить попозже. А если к телефону подойдет домработница? Наверняка же есть в таком доме прислуга? Но она-то его знает исключительно как Израиля Моисеевича, и может не сразу сообразить... Нет, всё равно нужно сказать: „Попросите Изю к телефону...“, и тогда она не станет преданно оберегать покой или занятость её титулованного хозяина.

(Конечно, всё это могло предварительно обдумываться отцом, но зачем же сейчас застревать на этом?)

Вот Израиль Моисеевич уже у телефона, и отец, пряча вполне понятное волнение – припомнит ли его Гельфанд? – произнёс: „Здравствуй, Изя... Это Борис. Борис Циприс“. Последовала, наверно, пауза, вполне понятная, но для отца очень томительная пауза, а потом, буквально через секунду-другую, поначалу недоверчивое проборматывание вполголоса: „Неужели... Неужели... Борька?“, а услышав подтверждение своей догадки, радостный возглас: „Бурцалэ! Ты откуда звонишь? Ты где?“ И, не вполне дослушав: „Вот что, хватай такси и немедленно приезжай!“

Увы, уже известно, что последней фразы не было, а возникла ещё одна, более важная для отца пауза. Это, конечно, тоже предположение, но как-то само напрашивается, что Израиль Моисеевич мог замешкаться лишь потому, что, держа трубку возле уха, он другой рукой перелистывал настольный календарь, выискивая свободное окошко в своём плотном расписании. Возможно, эта затянувшаяся пауза всё решила. Вместо ожидаемого моим отцом возгласа „Бурцалэ, немедленно приезжай!“, и даже не просто возгласа, а чтобы это еще было произнесено не терпящим возражения тоном, Израиль Моисеевич, допустим, спросил: „Ты сколько ещё пробудешь в Москве?“

И это могло задеть отца? Настолько задеть? Мол, как же так: ну, пусть не сейчас же увидеться, ты занят какими-то неотложными делами, но неужели через столько десятилетий нельзя для друга юности освободить сегодняшний вечер?!

Ну, а если вообще не столь радостным, не восторженным, как ожидалось отцом, было само восклицание: „Это ты, Бурцалэ?“ Может, у Гельфанда такая же сдержанная манера, как у моего дортмундского дяди: случается, не видимся с ним годами, а он встречает меня так невозмутимо, словно бы мы накануне расстались. А когда звонишь ему, голос у него в телефонной трубке такой бесстрастно-суховатый, что даже представляешься на всякий случай:

„Это я, твой племянник“.

„Я знаю“, – всё так же сдержанно говорит он. А ведь безусловно рад звонку.

А могло и так ожидаться моим отцом: „Бурцалэ, ты где сейчас находишься? Я немедленно вышлю за тобой машину!“ В представлении провинциального бухгалтера должна же ведь у человека из Большой советской энциклопедии быть машина с личным шофером. Но вместо этого: „Извини, ты уже меня буквально в дверях застал, я опаздываю на сессию Академии наук. Давай попозже созвонимся, хорошо?“ Что в таком случае ответишь? „Хорошо...“ Он не поинтересовался номером твоего телефона, или просто забыл спросить, а ты не предложил ему записать этот номер, потому что „давай созвонимся“ как бы предполагало именно твой звонок. Вот в том-то и дело: ты в этот момент остро почувствовал ваше неравенство, которого не должно быть между однокашниками. А если такое и случилось, то для того, чтоб переступить это, надо бы, конечно, увидеться, глянуть друг другу в глаза, узнать прежнюю улыбку, мимику, вспомнить знакомый жест, манеру разговора... (Это как встреча через несколько десятилетий с когда-то любимой женщиной: не сразу издали узнал её, но стоило ей улыбнуться...).

Однако даже и встретившись со своим знаменитым теперь другом юности, что же расскажешь о себе? „Я – бухгалтер“? Или со смешной торопливостью, помимо своей воли, глупо уточнишь: „Главный бухгалтер“ – как будто это что-нибудь меняет в принципе. Можно сказать: „Я мечтал стать ученым, врачом, лётчиком, моряком – и моя мечта осуществилась“, но ведь не скажешь, что твоей мечтой было стать главным бухгалтером. Разве бывают, разве возможны такие мечты?

И вдруг подумалось: отец же в Москве был вместе с мамой, и, конечно, не мог на встречу с Гельфандом без неё отправиться. Муж, которого она чтила, которым гордилась – каким же, по его мнению, он мог предстать в её глазах рядом со знаменитостью-одноклассником? Вот если бы он один тогда оказался в Москве – возможно, ему легче было бы решиться перезвонить другу юности?

Этим вопросом я поделился с братьями, но они оба не согласились с таким предположением. Да и моя жена – тоже. (То ли не представила меня в роли бухгалтера, тем более главного бухгалтера, то ли себя не увидела на встрече с такой мировой величиной, как академик Гельфанд, и потому не смогла вообразить, насколько в подобной ситуации разочаровалась бы в собственном муже).

- Отец тебе никогда не объяснял, почему он не перезвонил Гельфанду? – спросил я у своего дяди.

- Он отделался общими фразами: не хватило времени, что-то ещё такое...

- А сам ты как думаешь?

- Думаю, что всколыхнулась обида.

- Обида? На кого?

- На самого себя. За то, что не использовал данный ему от природы талант.

- Я не совсем понимаю: обиделся на себя, а не перезвонил тому, кто ни в чём перед ним не виноват?

- Ну, как сказать... Виноват хотя бы в том, что, пусть и невольно, а был причиной того, что вызвал в твоём отце обиду за свои упущенные возможности.

Вот и очередная версия, ничем не хуже, но и не доказательнее других.

Кое-что мог бы, возможно, прояснить Израиль Моисеевич Гельфанд, но... 96 лет – и ещё жив?

- Попробую узнать через знакомых, – пообещала Эсфирь Кагановская, добрая, отзывчивая приятельница, жившая когда-то по соседству с моими родителями, а теперь уже четверть века гражданка Америки.

Буквально на следующий день она перезвонила, сообщив, что, согласно наведённым справкам, Израиль Моисеевич, во-первых, жив, а во-вторых, запиши-ка его домашний телефон в Нью-Джерси.

Перед этим телефонным звонком я волновался, как... как, может быть, волновался когда-то в Москве отец, собираясь попросить к телефону друга юности. Правда, мне не пришлось выбирать между „Изей“ и „Израилем Моисеевичем“.

- Простите, а кто его спрашивает? – Голос был женским, интеллигентно-приятным и достаточно молодым.

Представившись, я постарался коротко изложить суть дела, и, пока рассказывал, вдруг почти уверился, что говорю с женой Гельфанда. Хотя это могла быть и их дочь, тоже Татьяна.

Нет, оказалось, всё-таки жена. Она сразу же сказала, что Израиль Моисеевич, зная номер телефона, непременно перезвонил бы моему отцу, так как очень щепетилен в этих вопросах, и добавила, что муж сейчас рядом с ней, но вы же понимаете: девяносто шесть лет, слух уже не тот, давайте, я сама попробую всё ему пересказать.

По тому, как громко она говорила с ним, сидящим рядом – и о химвпрофшколе, и о Давиде Мильмане, и об их друге, которого они называли тогда „Бурцалэ“, – было ясно, что он не услышал бы меня по телефону. Что-то Израиль Моисеевич переспрашивал у жены, она повторяла сказанное, потом была долгая пауза, после чего, словно бы извиняясь за мужа, Татьяна сказала, что пока он ничего не может припомнить, но он такой, что обязательно станет теперь обдумывать услышанное.

Я записал её компьютерный адрес и через неделю, как и договорились, напомнил о себе. Ответ тут же последовал: „К сожалению, не удалось ничего узнать у И.М., поскольку он утверждает, что не помнит „Бурцалэ“ и всей истории, которую я пыталась ему напоминать несколько раз. Он кивнул, что вспомнил Мильмана, и это было всё. И.М. довольно слаб последнее время, и, наверное, даже вспоминать для него большая нагрузка. Всего наилучшего. Татьяна“.

Внимание задержалось на словах: „...и это было всё“. Как будто Татьяна подытожила не только грустные результаты моих попыток разобраться в той давней истории, но и невольно высказала что-то относящееся к её собственной жизни. Впрочем, это, последнее – тоже лишь предположение, как и всё то, что касается причин несостоявшейся встречи друзей-однокашников.

Нередко бывает, что действительно случившееся, если о нём рассказать, а тем более – поведать письменно, выглядит нарочитой, неуклюжей выдумкой. Так и сейчас может показаться, а между тем это сущая правда: в то же самое время, когда в Ратгерском университете ещё преподавал математику Израиль Моисеевич Гельфанд, в музее того же университета штата Нью-Джерси заведовала отделом русского искусства моя дочь, и там же на одном из факультетов учился её сын, мой внук Борис, названный так в честь своего прадеда, которого Израиль Моисеевич называл когда-то ласковым именем „Бурцалэ“. Вот так и замкнулся не придуманный мной круг.